

Очень я расстроен. Как твои дела складываются? Что нового узналось в Ульяновске? Как твоя семья? Как здоровье дочери, о которой беспокоилась Ляля?

У меня, по-прежнему, суетно, хлопотно, много служебных и домашних забот. О писании давно уж забыл и не знаю, когда вспомню, когда могу отважиться хотя бы на рассказ.

Будь здоров и благополучен. Жду твою поэму.

Сердечный привет Ляле.

Обнимаю тебя, Анатолий.

8/VII-76 г.

Жуков – Благову 14.01.80

Дорогой Коля!

С крещенской (настоящей!) тебя зимой, до которой ты, рожденный в самом начале года, охоч, а я нет, поскольку все-таки тебя моложе. Спасибо тебе за поздравление – только нынче пришло, хотя выслано 30 декабря. Очень я обрадовался и удивился – ты никогда не писал поздравлений. Значит, действительно что-то будет, тем более что год «обезьяны», да еще високосный – обязательно что-то случится в мире.

Пусть в 80-м году выйдет в журнале, а потом в книжке твоя поэма, пусть «молодогвардейцы» выпустят твою книжку, пусть «Худлит» издаст твой однотомник с последней поэмой и пусть сын сделается дедом! Вот меня сделал, так я себя по-другому чувствую.

Низкий поклон и пожелания здоровья, успехов и счастья Ляле, девочкам и ребятам.

Обнимаю, Анатолий.

Как хорошо, что ты есть на свете!

Жуков – Благову 12.01.82

Дорогой Коля!

С Новым (по старому стилю) годом тебя, с близким Крещением!

Я сижу в Малеевке, колупаю повестушку да малость лечусь. Между делом написал рецензию на И. Хмарского, надо бы перепечатать, да машинка сломалась.

Роман у него вполне на уровне, только длинный и одномерный, все герои одного роста и одного темперамента. Может, потом развернутся, осмелеют. В других книгах.

О присуждении премий РСФСР я узнал примерно за неделю, написал тебе письмо, но потом порвал: мы ведь до этого говорили или я писал тебе, что твой основной конкурент Н. Доризо идет на пределе, вот вот 60, фронтовик, потом не дадут. Так и случилось. Тебе не отказано, а отодвинуто на следующий (1982) год. Он, де, молодой, крепкий, не расстроится, как Доризо.

Здесь, в Малеевке, был руковод. Моск. пис. орг. низ. Феликс Кузнецов, я говорил с ним приватно в узком застолье о тебе, и он как-то очень живо отозвался: да, да, знаю, согласен, поэт крупный, настоящий, не чета всем нынешним лауреатам, именно поэтому его и задержали. Он, мол, свое всегда получит, а эти сегодня не получают – завтра им не дадут.

Ты извини, что я завел об этом разговор, о всей этой суете и условности, но ведь и в жизни у нас столько условного, что не объедешь, не обойдешь.

По мне, так ты стоишь в ряду наших великих со-

временников Твардовского, Исаковского (а раньше Есенина, а еще раньше – Некрасова), в первом ряду. И это не надо утверждать печатью российской республики, премиями, дипломами. Но ты служишь, держишь под своим крылом симбирских литераторов. Им тяжело будет без тебя, трудно, я это знаю по себе, по роли, громадному благотворному влиянию, какое ты оказал не только стихами, но и всей своей жизнью, своей нравственной чистотой и т.д. А областному начальству важно внешнее отличие, лауреатство...

Как ты живешь? Как работается? Как твоя поэма? По тем немногим, к сожалению, новым стихам видно, что ты как-то не стареешь душой, чувства у тебя по-прежнему юны, ярки, только стали еще глубже, бездонней. Твое «Избранное» я прочитал с какой-то личной радостью.

Дело не в премии, разумеется. Мне давно хочется написать о тебе, но все не решаюсь, все боюсь: вдруг не подниму, чего-то не пойму, хотя должен, ведь я люблю тебя больше четверти века, знаю каждое твоё стихотворение, перечитываю больше всех других поэтов, даже больше Пушкина и Лермонтова – они уже бронзовые, чеканные, а ты живой, близкий, ты перелил в стихи и себя и всю окружающую жизнь, которую я тоже знаю не понаслышке. И вот радуюсь чуду поэзии, твоей как бы нечаянной нежности к миру, твоей мудрости и сдержанной силе, твоей великой простоте, естественности.

Но я, кажется, увлекся, мои объяснения излишни. Ты и так давно знаешь мое отношение к тебе.

Поклон Ляле и твоим наследникам. Будь здоров и пиши всласть. Может, в новом году выйдет твой Иван Простота, родятся новые стихи – я буду радоваться, наверно, больше тебя.

Всего доброго. Обнимаю, Анатолий.

12/I-82г.

P.S. Отсюда я уеду через десяток дней. Надо бы продлить, закончить повесть, но намечена больница – тоже нельзя откладывать. Если будешь в Москве, не забудь позвонить – повидаемся.

Жуков – Благову 06.02.82

Дорогой Коля!

Посылаю тебе как работодателю рецензию и счет на И. Хмарского. Роман у него проходим, такие печатают, но понадобятся значительные сокращения – тогда он станет стройней избавится от рыхлости, назидательности. Сейчас в нем с ненужной подробностью объяснен каждый человек и каждый его поступок, а надо оставить только показ, только людей и их поступки – я, читатель, сам увижу, кто дурак, а кто еще дурее.

Как ты живешь? Что новенького? Не закончил ли поэму? Хорошо бы увидеть твоего Ивана Простоту на народе, живым-здоровым, гуляющим среди российских читателей и рассказывающим про своего родителя – автора.

Я в Малеевке ковырял потихоньку повесть, да опять приболел и не закончил, а дома не дают работать семья, суета разная, чтение чужих рукописей для заработка. Роман давно проел, новый еще не написал.

Поклон Ляле и твоим, вернее, вашим наследникам, будь здоров и благополучен.
Обнимаю, Анатолий Жуков.

6/II-82г.

P.S. В справочнике СП у тебя московский адрес – чего же ты там, а не здесь? Требу́й у Егора Исаева эту квартиру, он теперь большой начальник.

Благов – Жукову 30.12.82

Дорогой Анатолий!

Я тебе так часто и назойливо звоню, что уж и открытку написать не лишневато ли.

Обнимаю тебя в старом и новом году, сталкивая лбами Жукова-82 и Жукова-83.

Дай-то бог, чтобы все твои повести-сестры повыходили замуж за солидные журналы и получили приданого многие воза. И чтобы здоровье твое окрепло для предстоящего пирования. И чтобы Валентина Николаевна повеселела, и чтобы дочери осыпались пятерками. И чтобы не забывал ты мя.

Твой всегда Н. Благов.

30.XII.82

Благов – Жукову без даты

Дорогой Анатолий!

Обнимаю по-братски и желаю тебе всего, чего может пожелать человек, глубоко любящий и навсегда поверивший.

Твой Н. Благов.

Благов – Жукову 13.09.1984

Дорогой Анатолий!

Месяц назад я написал заявление в Саратовский обком и в СП РСФСР, чтобы освободили меня от работы по состоянию здоровья. И сравнительно безболезненно, если не считать невидимых стороннему глазу убоин, меня выпрягли, и через три дня я поеду за грибами куда-нибудь в балагуровские места. Я почувствовал совершенно непробиваемый заслон перед талантливыми вещами, блокирующий их проникновение в журнал. Почувствовал, что мне одному без поддержки и молодого здоровья не справиться.

Твои вещи, роман Б. Екимова, многие подборки стихов, даже традиционные вещи твоего однофамильца Владимира Жукова, и многое другое оказывалось выброшенным.

Не знаю, как оценит критика твои вещи. В наше время и с нашей все еще впадающей в горлопанство критикой может быть всякое. Но ты написал повести, которые расширяют и углубляют русло старого могучего реализма и состоят они из добрых улыбчивых слов, смешанных со слезами, со слезами горькими, жгучими, которые обладают целебными врачующими свойствами. Удалось тебе сказать эти горькие истины в минуты вроде бы неподходящие, потому что умеешь! И жить им долго, и надо ожидать подтока новых талантливых ключей, которые заговорят по-весеннему.

Не сердись на меня. Ты давно выбился из провинции и недооцениваешь, сколь она упорна в своей кондовости.

Твой Н. Благов.

Живу отныне в Ульяновске.

13.IX.84 г.

Жуков – Благову 1986 г.

Дорогой Николай!

С большим опозданием поздравляю с Новым годом, с 55-летием, с началом нашей личной 12-ой пятилетки жизни. Я тут попал в больницу, в кардиологическое отделение, в декабре кое-как держался на таблетках, а потом иссяк и теперь здесь – весь в синяках от уколов, и руки, и ягодицы, отдыхаю. Вокруг меня старый пенсионный народ (самый молодой, кроме меня с 1918 года), и как-то грустно, что и я перешел в эту категорию, в это ретроспективное время.

А насчет «не уставай» – дефицитное пожелание, потому что усталость накопилась многолетняя, не выпрягаюсь всю жизнь и конца этому нет.

А тут народ ветхий, отработанный. Спрашиваю одного: «Где брали газету?». А он – сняли. Трех сразу сняли: Чаковского, Грибачева и Софронова из «Огонька». Я громче в ухо: «Газету где брали?» – «А это уж, милоч, не обессудь, про то начальство знает».

Спрашиваю другого, а тот в ответ – меня: «Ты в каком отделении, сынок? Я 203 палату ищю и не найду».

Грустно. И работа на ум нейдет, потому что сердце заходится – 90-95 ударов в лежачем, спокойном состоянии.

Ну ладно, чего уж об этом, какая работа. Буду равняться на своих тружеников из анекдота. Встретились два работяги, русский и японец, заговорили о том, кто сколько работает. Японец говорит: я три часа на себя, три – на хозяина, два на Японию, всего 8 часов. А наш: «Я, по правде сказать, только три часа. Потому что хозяина у меня нет, а на Японию мне на...ть».

Обнимаю, Анатолий.

Жуков – Благову 10.01.1989

Дорогой Коля!

С Новым годом тебя, с днем рождения, с Рождеством Христовым! Святки сейчас идут, скоро Крещение, а у нас тут слякоть, суета, глупая какая-то война писателей. Может, еще и поэтов. Я был особенно рад восточке от тебя, человеческому твоему слову. Так устал от словесной войны, а тут еще и водка, немислимая при моем здоровье, но как неотвратимая.

Очень горестно было мне узнать о твоей серьезной болезни, такой обидной, ненужной при твоём богатырском облике. Первым мне сообщил Геня Зимняков, переживший два инфаркта, потом был тут ваш секретарь Наумов с реденькой вьетнамской бородкой, потом еще один поэт, который живет в Молдавии. Этот хвастался, что ты написал предисловие к его книжке. Хорошо как-то хвастался, гордился, что вот такой поэт, как Благов, не отринул его. И сообщил между прочим, что Вадим Конев умер. Правда, что ли?

Твоя открытка и почерк прежний обрадовали меня – не поддался ты, устоял, слава богу. Если продолжаешь потихоньку писать, тогда совсем хорошо. А писать сейчас трудно. Как в тумане все, видно плохо, и со всех сторон разные крики, чаще злобные или пустословные, болтающие о перестройке, неуверенные призывы. А у меня в парткоме какой только сволочи не бывает, всего наслушаешься, а когда надоедает – и накричишься до хрипоты, оспаривая разную спекулятивную дичь. И столько разных хлопот, нервов... Но самое досадное – не нужно мне все это.

Вот такие мои дела, дорогой Николай Николаевич. А хочется мне пописать рассказы, сходить на рыбалку или построгать штaketную планку для дачной

ограды. Но, видно, делай не то, что хочется, а то, что бог велит.

Не собираешься ли в Москву? Повидались бы, посидели за чашкой чая. Летом я был в Монголии, встретил там твоего давнего друга Дольда, поэта-песенника, крупного, горластого, который в 60-х годах, кажется, учился в военном училище связи. Он посылал тебе привет и не раз жалел, что тебя не было.

Благов – Жукову 14.04.1989

Дорогой Анатолий Николаевич!

Я отправил тебе два экземпляра нашей газетки. Эта статья о тебе писалась за три дня. Только присев за письменный стол я понял, как тяжело даются газетчикам статьи. А ведь у меня в замыслах серьезных есть статья-раздумье о тебе как художнике, так что волея-неволей придется выздоравливать по-серьезному. А пока прости. Через годик я наберусь сил. Раз уж Бог не взял, значит передумал, не подошел по каким-то параметрам...А я возьму да и встану всерьез...

Выписываю я давненько, особенно после того, как было принято решение о перепечатке «Истории» Карамзина на 2 года, журнал «Москва».

Алексеев напечатал твою «консолидацию-перестройке». По-моему одна из твоих повестей уже печаталась в «Москве». Надо признать, что «Москва» - один из лучших нынешних журналов, несмотря на заторможенность, вызванную перепечаткой.

Хочу успокоить тебя в смысле лечения. Я уже писал тебе, что меня выручает А. Гречушников. Каким-то образом ему удастся достать их едва ли не из-под земли...

Поклон всей твоей семье!

Н. Благов

Жуков – Благову 18 апреля 1989 года

Дорогой Николай Николаевич!

Спасибо тебе за газеты, за привет с родной стороны. Сердечные твои слова растрогали меня, вспомнилась молодость, работа в газете, младожеребьяча пора, когда на все хватало времени и когда не оглядывался, не думал о том, что жизнь могла и не приключиться, как и не особо боялся, что она легко могла выключиться. <...>

А сейчас я занят перестройкой, и все считают что правильно занят, потому что каждый чего-то от неё ждёт: просители – что можно гнать бюрократов, покупатели – что не станет очередей, шофера – что можно будет запросто наезжать на пешеходов... А я ничего от неё не жду, не считаю, что мне надо перестраиваться, я не крал, не жульничал; всю жизнь и не выпрягаюсь и ем свой хлеб. Да и старый уж, обрастаю бородавками, как пенёк опятами, и поздно мне перестраиваться. Как, думаю, и тебе. А вопить о жестокости и коварстве Сталина не хочется, противно. Что-то людоедское, дикое есть в эксгумации политических трупов, в дикарской пляске на этих трупах разных недоносков. Особенно противны пляски писателей, считающих себя художниками. Так негодуют, столько эмоций, что кажется, сейчас случится что-то необыкновенное. А ничего не случается. И не случится. Крылаты куры, да не летны, как говорится. <...> Идет тотальная обработка общественного сознания в пользу безродного интернационализма, и даже наш главноуправляющий как-то выразился в том смысле, что он за приоритет общечеловеческих ценностей перед

национальными или классовыми. Словом, пусть пес лишь бы яйца нес...

Шестой год я ничего серьезного не пишу, Коля. То в «Новом мире» три с половиной года ишачил, теперь вот здесь... Потерял уж и смысл жизни. Народ совсем оскотинел, никто ни за что не отвечает, и все мчатся так оголтело, что ветер всегда сзади.

Недавно был у гедеэровских немцев, в Берлине и Потсдаме – чисто, сыто, спокойно. А ведь побежденные! Никакого сравнения с нашим развороченным бардаком.

Передавай поклон Ляле. Будьте здоровы и благополучны.

Извини, что так длинно написал. Давно не говорил с тобой, И вот малость отвел душу. Обнимаю.

Анатолий.

18/IV–1989 г.

Жуков – Благову 10.06.1990

Добрый день, Коля!

Целый век с тобой не разговаривал, забыл уж интонацию твоего голоса – слишком суетно живу, много мельтешения, зряшных хлопот, ничтожной хозяйственной.

Издательство переживает трудные времена, нет бумаги, разваливается полиграфия, а кругом такая бестолковщина, что ни совета, ни помощи. Работаем больше по инерции, по привычке, а сесть за письменный стол уж не мечтаю. Как ты живешь? Выбрался ли из своего недуга?

Есть ли желание стихов? Я тут говорил со своими коллегами о тебе, о возможности переиздания твоих стихов в ближайшие два-три года. Раньше не сможем, наверное. Бумажный голод страшный, но Бог даст, выкарабкаемся как-нибудь...Сделай расклейку сборника для переиздания лучших стихов листов на восемь, напиши заявку, в которой укажи, что работаешь в поэзии сорок лет, лауреат Госпремии и хотел бы увидеть книгу выпущенной в издательстве «Советский писатель»...Заявку и расклейку пришли мне на издательство. Будет время и желание - позвони.

Привет Ляле. Обнимаю – Анатолий.

Жуков – Ляле Благовой 15 Мая 1996 года

Добрый день, дорогая Ляля!

Вчера отнес командировку в союз писателей, поговорил относительно последнего издания собраний сочинений Николая. Вопрос этот сейчас непростой, поскольку издательское дело в загоне.<...>

Ещё я встретился с Виктором Кочетковым, который знает и любит творчество Николая, и мы обсудили с ним такую хорошую тему: надо учредить премию (литературную) имени Николая Благова. Премия должно быть всероссийской, но первым хозяином её должно стать Ульяновское отделение Союза писателей, поскольку у российского Союза денег нет. Ульяновская администрация или спонсоры выделяют несколько миллионов (на 2-3 премии в год или один раз в два года), Евгений Мельников со товарищи создает комиссию по премиям, куда включают самого Мельникова, кого-то из спонсоров или руководителей области, Виктора Кочеткова, как поэта и знатока творчества Н. Благова, одного из секретарей СП России (поэта, разумеется) и т.д. Ты передай это Женю Мельникову, он ведь писатель толковый, серьезный, а такая акция сделает доброе дело для поэтов-волжан, а

первую очередь. Всероссийская эта премия будет, таким образом, региональной, волжской, здесь сделают лауреатские значки или медали с профилем Николая Благова, и вручать будут в Ульяновске, на родине Благова.

Мало мы с тобой побыли вместе, Ляля, мало поговорили о Николае. Человек он был непростой и к тому же талант настоящий, большой, и писать о нем надо оглядливо, внимательно, точно. Его творчество еще будут изучать и поставят его высоко, как он того заслуживает, о чём сейчас пока знают немногие, потому что Николай Благов остается пока «непрочитан-

ным» серьёзной критикой. Но это временно, Ляля.

Ну вот, основное вроде сказал.

Живем мы сейчас бытовыми проблемами - ездим сажать картошку на даче. Был в церкви Вознесения на отпевании Станислава Романовского (все мои товарищи ушли, очередь за мной).<...>

Будь здорова и благополучна.

Анатолий

15/V-96 г.

P.S. Романовский (ты его знаешь, редактор в «Ульяновском Комсомольце») умер от разрыва сердца.

Анатолий Жуков писал Николаю Благову: «Мне давно хочется написать о тебе, но все не решаюсь, всё боюсь, вдруг не подниму, чего-то не пойму, хотя должен, ведь я люблю тебя больше четверти века, знаю каждое твое стихотворение...»

Анатолий Жуков смог выполнить задуманное. В 2002 году в журнале «Слово» был опубликован очерк А. Жукова «Свет весеннего дня», посвященный творчеству Николая Благова.

Николай Благов был похоронен в селе Крестово-Городище. Анатолий Жуков побывал на могиле друга вместе с его вдовой – Лялей Ибрагимовной. Он рассказал об этом так:

Крестово-Городище – типично русское село средней полосы России: деревянные дома под тесом и шифером, палисады под окнами, огороды позади, скворешни, телеантенны. А еще переключка петухов, кудахтанье несущек, заливиный лай дворняжек, ржанье лошадей да свадебная хоровая песня – звуки один роднее другого для деревенского человека. Благов любил их, особенно старинные сельские песни.

Всю душу вдруг таким теплом обложит,

Как будто это вовсе и не песнь –

Как будто друг, пропавший и хороший,

Вот-вот окликнет, вот он где-то здесь.

Мы постояли у скромного, два окна по фасаду, деревянного дома Благовых, давно уж дачного, и Ляля сказала, что Николай любил сюда приезжать. Работал тут хорошо. Он ведь за столом редко сидел – он больше ходил, сочинял в движении, отработывал стихи по памяти, а потом записывал. У него почти нет черновиков. А читал – книги там, газеты, журналы – всегда лежа. Я ворчала, говорила о вредности такого чтения, он не слушался.

Кладбище – неподалеку от села, на песчаном взгорье, в окружении соснового леса среди полей.

Ляля подвела меня к продолговатому песчаному холмику с массивной плитой, на которой выбито крупно и кратко:

НИКОЛАЙ БЛАГОВ 1931 – 1992

Рядом могила отчима, бывшего председателя здешнего сельсовета:

ЛЫСОВ

Николай Афанасьевич 1907 – 1970

И всё. Шуршит-процеживается в сосновых ветках легкий весенний ветерок, хлопчут у гнезд черные грачи, стрекочут длиннохвостые белобокие сороки, булькает внизу ручей, стекающий из-под осевшего темного островка тающего снега. И кресты, кресты... Неужели это все, что остается от нас на родной земле? И в ответ будто слышу дружеский, по-волжски окаяющий голос Благова, рассудительный и спокойный, как всегда:

Не унижайся в укоризне,

Прочти небесно, до конца

И смерть –

Как укрепленье жизни,

Как высший замысел Творца.

Наша справка:

(5.01.1931 – 21.02.2013)

Анатолий Николаевич Жуков родился в селе Новая Хмельовка Кошкинского района Средневолжского края (ныне Самарской области). В 1940 году переехал в совхоз имени Н.К. Крупской Мелекесского района Куйбышевской (ныне Ульяновской) области, трудился здесь бухгалтером, затем сотрудником районной газеты в Старой Майне. В 1961 году поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, переехал в Москву. Работал в редакции журнала «Сельская молодёжь», в Союзе писателей СССР, в издательстве «Советский писатель». Автор более 20 книг прозы. Лауреат литературной премии Союза писателей СССР (1979) и Международной премии имени М.А. Шолохова. Член Союза писателей СССР (с 1972) и России.

Умер 21 февраля 2013 года в Москве. В 2016 году имя писателя Анатолия Жукова присвоено Новоселкинской библиотеке Мелекесского района Ульяновской области.

